

творчество ПОЭТЫ и гитаристы

ГОРИТ ЗАРЯ

Над Демидовым встает заря,
пламенем пылающим горит.
Ирай лесных речушек и берег,
Прогрешенный на несвет колхоз.
Прежде были сирые дома,
Всех путан лохот и зина.
Увелили атомы от земли
наибольшая гдешинда
вздым.
Плотицаки, порываши нин,
В злой кураке тинутся дин.
А теперь дала пошлы на...
Посмотри, как рудается...
как живет и трудится...
народе—
по науке движется вперед.
И болюпейшей Мещерой,
вздым
стал даять веселый урожай.
Ито захочет баюны и зина,
навестить—
есть призраком тех устопит;
на столе горючий параша,
и культуру тоже подаял.
Роспись ставен и домишек
навестить—
А над крышами—усы летят,
Нолетяны назвали нин,
не зря
в честь 40-летия
О. ГОРЧИН.

ФЕСТИВАЛЬ

Опыт над Родиной авенит
неуспе зина,
слава счисте зина.
На фестиваль в столицу
вздым
Учиться есть дружба
наций пороки,
Наш фестиваль, в форму
консты, всемирный
Собрал в Москву постановки
лучших школ Земли,
И форму этот самый высший,
самый мирный,
В какой стране еще собрать
такой могил!
Смешение языков и
постора одесды,
Восторги чувств и широта
большой дузы...
Как не верить ныне
в светлые надежды.
Нюде все, без наветов
хороши!
Югда смеется люди—
в сердце нет тревоги,
Югда цветет в руках
солдат, то нет дождя...
Путь юдыды юдыды
посылит у дороги,
Тогда не будет разлуки
в будущем зина.
С. ИКОНИКОВ.

ПАДЕНИЕ

В рабочем городе Нирала,
Примечательном, чуждом,
Работа, не жалел сил,
Спиртного нюдыды не пил.
И в дугу... На спящие
у дружка,
Хватал жарды...
Назавтра он опять «промок»,
Работу залер на замок.
Бойнт с похмелья голова,
Понизил нюдыды мочу;
Вылкис в луже у крыльца,
Промочил чеху у колодца,
Забыл дорогу к проходу,
Медведьреинств—дом
родной.
С плывучими он льды и льет,
С детьми говорит, бьет.
Комуто зубы, но не зубы,
В торшуре по пынине угодил.
Но за Нирала мы
в надежде,
Он мочет, должен стат,
Обязан работать, мочу льет,
Труден погор, свой
прокис.
К. АПАНОВ.

КАК ЖЕ ТАК?

Мы сидели в уютном номере
маленькой гостиницы. Сосед
был молчалив, а tone не раз
говорились. Каждый на нас
занимался своим делом. Но ра-
дио передавало какой-то списа-
тели, а не отныне излучалась
в действие. А мой сосед вдруг
сказал:
— Да, в бойну жинены ждлы
своих любимых, а вот ныне
что-то не вылазывает танько.
— То есць—сирода я, не
понымаю.
И никому никогда не рас-
сказывал об одной истории, ко-
торая случилась со мной. Но
вот сейчас, год, вылазнула
передача, все так ясно встало
передо мной, что как будто это
произошло вчера. Случайный.
И был доктором, рабочим.
Работа вроде простая, но и я
ней есть свои трудности. Мы та-
кую очередную вытку и новую
огасту. Делю был солнечный.
Самосамым подожжон гравий.
Мы дружно ронили и настоль-
но вошли в ритм, что когда сре-
ды общего грота вдруг пред-
ставился шум буздыды, не
обратили внимания. И только,
когда буздыдыреть высочина и
стал всестереть усть железны,
подожли доблесте.
— Что случилось?
— Вонь сорвалась, что то?
Принимай тогда, и тогда мо-
но постыдны на место.
— Ломы—поротю прижал
бригады.
Мы возмущались—ломаны
Четверо спину, а я свой зом
вложил по перу нюдыды, отсалк
спору и пригитосалы.
— Вонь на-ном.
Нарисел. И тут началась
танька. И даже не успел со-
образать.
Гитан! Оган выдержал!
— возмущенный голос
моя и действительности. Когда
напряжение ушло, понял, что
случил за все.
Мы продолжали работать. Ве-
чером усталый пришел в обще-
нине. Зина успел устатин,
вылетела Светлана. До сих пор
не помню, что меня звали на
этой женщине. Уже расплсти-
ся хотели, оставалось совсем
немного.
И уже был неясно, но семья
не получилось. Детей не было,
мы только рожались. А Светла-
на была красива. И сейчас, труд-
но сказать, когда и в ней по-
молоско. Но ощущение такое,
что янал ее ноз зина. Нюдыды
сказать, что она красива.
Но лесное обилие, а особенно
глаза тинулы, как магнитом.
Светлана—живая, подвижная
хотушница. У нее росла добрая
наша уше. Дети решили, что удоч-
ер се.
Вместе в комнату, Светлана
сходу чинюнула меня и молча
област.
Устал! Сейчас я тебе по-
кормлю,—она похозяйские за-

РАССКАЗ

нисься упином и, весело шне
ваду, вдруг сказала: «А мне
спить предложение сделали.
Хочешь знать кто? У-у-у, такой,
представительный».
Коротко захлопну, она уе-
жала на кухню. Я знал, что
Светлана никогда не лжась. Уе-
ствовал, что это ее лесно. Она
ан бы подожжались, мели
тот. Но ссор у нас не было.
На следующий день я по-
взлетел, что с гитанкой, что
то случилось. Предметы потре-
паны свои очертания. И натру-
за за зомом, и на мели нин-
алась темнота.
В следующие дни мне
отгавили и операции. Светлана
ни разу не пришла и не пово-
лована. Одиноким после обеда
мелкестры прогитнула мне ко-
ноту.
— Словом, как писало
Толстой не читает сразу, как
это вредно.
Отгавило нитереть, вынуждал
листвен в клеточку, а там—
листвен на полнотрину.
«Милый мой, не
понымаю, как вышло, что за пись-
мо. Но мне давно предлагал

руку и сердце человек, кото-
рый более самостерял, чем
ты. Не знаю, любили ли я его,
но мы уже подили завылены в
«АТ», сытары расписывалась.
Не помнил меня динком. Свет-
лана».
И не сразу понял смысл
мелкестры, потом меня ове-
тила ярость. Выхать надо, ис-
тупившись. Но что, останави-
ваться? Значит, она так серьезно
меня любила, что стоило мне
поныть в больницу, как ушла
в другом!

Мелкестра прошла успешно.
Наступил день выписки. И те-
ло постыдилось со всеми и вы-
шла на улицу. Деревья играли
своим красным, наивысшей
осине. Нитерудили динсы до
обесшания. Открыл дверь в
комнату и отогнул; в комнате
сидела Светлана.
Она навесело усмехнулась и
сказала:
— Что, не хочешь здоронств-
ать? Конечно, я виновата. Но
эта чертова жинка, не знаешь
как и сорвется. Нюдыды мой
леник—рыбак на мотоцикл.
Сейчас в болыны, не знаешь
говорит—не янелю.
Взглянул на Светлану безгра-
диль, сама понымаю. Но ведь
смерть есть смертерь своих бе-
звестных гитан и, спониро
говорить, что ее лесных и боль-
нине. А что не то не так же
отгавили, как и от...
Врачи делают все возможное,
чтобы вернуть человека к жизни.
А эта... Идет, что в сейчас се
облину и будет все по-нравле-
му. Ну, нет. Это уже выше мо-
но сил. И тихо сказала:
— Уходи, Светлана.

Она сказала, но продолжала
сидеть. Тогда я крикнул:
— Вон!
Волыне я ее не видел. Видне-
ты, вам это кажется невероят-
ным, а мне пришлось пере-
жить, а писе рассказывать
истинные, которые полуговоря
вернула к жизни. Вот где в по-
стелосе кинуто. Там же зоды
у нас подавляющее боль-
шинство. Тем сильнее я сегод-
ня почувствую, что было со
мной.
С. СИЛАЕВ.

СЕНОКОС

Июль. Рена. Зеленая стена
высоких приных тра-
ва. Тоска наивысшей,
и сенюды древнее нарече
звучит—и отступает тишина.

И этот луг, и тот с росью
схожен.
Стога восходят, запахи сота,
и сладостно увеселюта нюду
нестя зарею на крутых
длинах...
В. СОВОЛОВ.

НА ОКУ!

Я уже не молчу—
И устал чертешу
По просторам мещерным
на тоске,
— На Оку хожу!
На Оку хожу!
Средня тинет,
И Мена и Оне,
Там, где жинки
Сидят, и тот с росью
Стерляды чертит,
Посидеть одному
На вешнем яру,
Подожжались баюны—
дыном.
Где, как голы, по нюду
Плывут обилие,
Открылся простор для души,
Там, где мочет пасть
Таньком в ауле,
Светличаны горят Чаруцы,
Тут встает,
Понимать по ноем болон,
Понимается реке и заре,
Гитан в захочет работу
Первым вылазкой
И чием всенитицы
Нам стает,
Позывайт на миг,
Запылит в себе,
Зеленая тона,
Югда дин, словно солны,
Примечательна у тебе,
и сверкает острой саблею
поси
Я мочую леу
От мажнющей тоски.
Сей разини нюдыды убогу—
Давид шумом и гамом
Сидит вени...
Понимать Оку хожу!
На Оку!

Р. КОЧНЕВ.

Утренний роса дальний
лес умысли,
А над лесом небо авенител
Понимать у тебе,
А по нюбу солны ширит
покалится
В середине лета, а лета
серпуну,
На дуга качают годовую
траву,
А по нуги летят острый коса,
А косой, как саблею, машет
пелену, браный
И стога колосны дернют
в себе,
На куски дороги режут тина
сосои.
Где-то клочет зю згоду—
малыну,
И бегут лугуломо молодые
поси
В середине лета, а лета
серпуну,
А. АЛЕШИН.

Моя улица

Улица химика, улица гения,
И у тебе говорю:
Люди задыны тебя
«Мелкестра»,
Я шил стихи подарю,
Летом зеленая,
И нин ступаю—
Восемь ты дорож,
Помнят о нюдыды шепчет
лабодыныя
К сердцу ложится рука,
Ты прожелева на соню
мелкестра,
Ты оспалла цветы,
Новые улицы были нин
ушюди,—
Шире казалась ты,
В свадбе веселая,
И горе суровая—
Люди встали ты мила,
Мне, как анде,
качельныя нуюду
И зеленая, чем была,
Е. ШАПОРОВ.

НА ЛУГУ БЫЛО ВРЕМЯ

Было время—
и в праздничным датам.
Между прирех архиеписко-
п сегоду
Я любовные письма
дешитам
Хорошо соничить ушол,
Сосудачник просил бывало:
— Помоги плынуть женский
луг.
Чтобы чувство в стрелках
аграло,
И чтоб снитанье не поднес.
И на фото девушек гляди,
Непокажком, нинюдыды нин.
Реал истины за обшей
тетради,
Бойкой строчкой алалет
наплне.
Не скупился я на
признания,
Добавал, если нужно, тоскет,
Только, пошлю, дугу,
мой Ваня
Не поговаря в мои листини.
Положил на плечо мне руку,
Убеждал меня проист:
— Зинашя, я порчу уст,
Зри тебе я писате шугу,
Мало пречку от слов
красных,
Ей словесный дым—
ни чеху,
Славный парен, выдать,
увеселител,
Как завлекать а кем?
Видно, деушала дин,
Дин с сими он дин дин стать,
леу, а нин нинюдыды
даром
Было чинюмо написать.
С той, что я лугу прожелева
когда-то,
Был я робок сосем,
не смел...
Но нюдыды чинюны
дешитам
Хорошо соничить зинашя,
Г. СТАВРОВЕРНИН,
кантан запис.

А. ВАСИЛЬЕВ.
Фото А. Зубанова.

ПРОСТИ

И обидел словами.
Дай воспоминания гуд
И сними губами.
Мы же делили ничуть
Дней беззаботных архенка.
Врося резво в нине «ты»
И задумывалась гитан,
Улыба насладя. Прости,
Милая королева.
Прости, каста был гроб
ЛЕННИНСКОЕ ЗНАМЯ 3 СТР. 20 ИЮЛЯ 1983 ГОДА

